

усиленно толкали к войне в надежде вернуть себе утраченные привилегии, а соседние правительства видели в войне средство борьбы с революционным духом, пробуждавшимся уже и в их владениях, причем представлялся удобный случай вырвать у Франции некоторые провинции и колонии. С другой стороны, войны желали жирондисты, так как они видели в ней единственный способ добиться ограничения королевской власти, не *прибегая к народному восстанию*. «Вы не хотите обратиться к народу, потому-то вам нужна война», говорил им Марат. И он был совершенно прав. Жирондисты больше всего боялись народного восстания и в войне видели средство борьбы против короля.

Что касается до народа, то крестьянское население пограничных департаментов при виде приведенных эмигрантами немецких войск, скопившихся на Рейне и в Нидерландах, и сформированных эмигрантами отрядов поняло, что ему придется защищать с оружием в руках земли, отобранные им у дворянства и у духовенства. Вот почему, когда 20 апреля 1792 г. была объявлена война Австрии, население департаментов, соседних с восточной границей Франции, было охвачено энтузиазмом. Волонтеры записывались массами сроком на год под звуки песни «*Ca ira!*». Патриотические пожертвования стекались со всех сторон. Но зато во всех западных и юго-западных областях Франции население вовсе не желало войны.

К тому же для войны ничего не было подготовлено. Военные силы Франции достигали всего 130 тыс. человек, рассеянных на протяжении от Немецкого моря до Швейцарии. Притом же войска были очень плохо обмундированы и находились под командой офицеров и генеральных штабов из роялистов. Они совершенно неспособны были отразить иноземное нашествие; армии союзников неизбежно дошли бы до Парижа.

У Дюмуре и Лафайета возник было смелый план занять Бельгию, которая еще в 1790 г. сделала попытку отделиться от Австрии, но была покорена силой. Бельгийские либералы призывали французов. Это предприятие, однако, не удалось, и с этого момента французские генералы стали держаться оборонительной тактики, тактики тем более необходимой, что Пруссия присоединилась к Австрии и немецким принцам для нападения на Францию, и эту коалицию деятельно поддерживал туринский двор, а также тайным образом и дворы петербургский и лондонский.

26 июля 1792 г. герцог Брауншвейгский, стоявший во главе армии из 70 тыс. пруссаков и 68 тыс. австрийцев, гессенцев и эмигрантов, двинулся из Кобленца, издав предварительно манифест, возбудивший негодование по всей Франции. Он грозил сжечь те города, которые осмелятся сопротивляться, а жителей их обещал истребить как мятежников. А что касается Парижа, то если только парижане посмеют тронуть дворец Людовика XVI, они будут подвергнуты такой примерной военной экзекуции, грозил он, что она надолго останется у них в памяти.

Три немецкие армии должны были вступить во Францию и двинуться на Париж; и действительно, 19 августа прусская армия перешла границу и завладела без битвы пограничным городом Лонгви, а затем Верденом на пути к Парижу.

Мы видели, какой энтузиазм сумела вызвать в Париже Коммуна при получении известия об этих успехах неприятеля и как она ответила на них, распорядившись перетопить свинцовые гробы богачей на пули, а колокола и бронзовые церковные принадлежности - на пушки; самые же церкви были превращены в обширные мастерские, где тысячи людей работали над изготовлением обмундировки для волонтеров под пение «*Ca ira!*» и могучего гимна Руже де Лилиа - «Марсельезы».

Эмигранты сулили объединившимся королям, что Франция встретит их с распростертыми объятиями. Но резко враждебное отношение крестьян и сентябрьские дни в Париже заставили предводителей иноземных войск задуматься. Жители городов и деревень восточной Франции отлично понимали, что неприятель пришел с целью отобрать у них все завоевания революции. А между тем именно в этой восточной Франции уничтожение феодального строя лучше всего удалось благодаря восстанию городов и деревень.

Но одного энтузиазма еще недостаточно для победы. Прусская армия продвигалась вперед и вместе с армией австрийской уже входила в Аргонский лес, простиравшийся верст на 45 в длину и отделявший долину Мааса от северной Шампани. Войско Дюмуре тщетно пыталось остановить неприятеля, делая форсированные марши, чтобы занять проходы. Ему удалось только одно: занять выгодную позицию у Вальми при выходе из Аргонского леса; и тут пруссаки, сделав попытку овладеть холмами, занятыми войском Дюмуре, потерпели 20 сентября первое поражение. Победа при Вальми, хотя и небольшая сама по себе, явилась при таких условиях очень важным успехом - первой победой народов над королями; так ее и понял Гёте, сопровождавший войска герцога Брауншвейгского.